

Л. Н. Казаманова

РАБОВЛАДЕНИЕ НА КРИТЕ в VI—IV вв. до н. э.*

Метод материалистической диалектики требует, чтобы исторические явления изучались «...с точки зрения их движения, их изменения, их развития, с точки зрения их возникновения и отмирания»¹. Поэтому для советской исторической науки в области древней истории одной из важнейших проблем является проблема изучения рабовладения с точки зрения его возникновения и отмирания, с точки зрения изменения в формах рабства, в методах эксплуатации рабов и в положении их в системе производства. Вполне понятно поэтому, что для нашей науки особенно важно изучение своеобразия отдельных форм рабовладения, которое должно пролить свет на вопросы возникновения, развития и отмирания первой формы эксплуатации человека человеком.

С этой точки зрения особый интерес представляет исследование своеобразных форм рабовладения в таких областях греческого мира, как Фессалия, Спарта, Аргос, Крит. Только в результате такого исследования можно выяснить процесс формирования классического рабства. Предметом настоящей работы является рассмотрение форм рабовладения на Крите в VI—IV вв. до н. э.

Для социальных отношений в критских городах, в частности в Гортине, характерно сосуществование разнообразных форм зависимости и, что особенно интересно, сосуществование различных форм рабства.

В советской исторической науке вопрос о развитии рабства и о его видах ставился лишь в самой общей форме. Например, С. Я. Лурье делает попытку дать общую схему развития рабовладения на протяжении всего периода существования рабовладельческой формации². Он выделяет четыре основных типа рабовладения: 1) рабство патриархальное; 2) рабство древневосточное; 3) рабство в древней Греции; 4) римское рабство. При патриархальном рабстве для положения раба характерно, по мнению С. Я. Лурье, отсутствие «резкой грани между свободным и рабом». Эта форма, как полагает автор, существовала в период разложения первобытно-общинного строя и возникновения рабовладельческой формации. Второй этап развития рабства, называемый С. Я. Лурье древневосточным рабством, характеризуется им следующим образом: «Раб еще не является вещью, он сохранил с древнейших времен право участвовать в культе, пользуется известными правами. Так, его нельзя убить или изуродовать, он должен быть в определенное время освобожден от работы, а в опреде-

* Печатается в порядке обсуждения проблемы истории производителей материальных благ в древнем мире.

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 101.

² С. Я. Лурье, История Греции, I, Л., 1940, стр. 5.

ленные периоды даже отпущен на волю и т. д.». Рабовладение в Спарте, на Крите, в Фессалии и других областях Греции с неразвитыми формами рабства отнесено к этапу «рабовладения древневосточного» (ук. соч., стр. 5). Не связывая процесс образования илотии в Спарте, пенестии в Фессалии и подобной формы зависимости на Крите с завоеванием, на что указывает Энгельс, Лурье лишь констатирует характерные особенности этой формы: «Обычно рабы этого типа платят оброк, этот оброк нельзя повышать беспредельно. Раба нельзя согнать с земли, на которой он работает, нельзя отобрать у него имущество; он может жениться на свободной и т. д.» (там же).

Таким образом, положение илота, пенеста, кларота, по мнению автора, очень резко отличается от положения раба следующего этапа развития рабства, который Лурье определяет как «рабство в древней Греции». На этом этапе развития рабовладения появляются другие источники приобретения рабов, меняется экономическое и юридическое положение раба. В это время раб является вещью. Меняется характер использования рабов, они применяются на рудниках, в мастерских и подвергаются тяжелой эксплуатации. Однако размеры эксплуатации еще не столь велики и характер ее не так жесток, как это было в Риме.

Слишком общий характер схемы, даваемой С. Я. Лурье, обусловил ряд ее существенных недостатков. Прежде всего при всякой классификации необходимо исходить из единого принципа, на основании которого производится расчленение и выделяются определенные этапы развития. Насколько можно понять из того краткого изложения, в котором С. Я. Лурье дает свою схему, таким основным критерием он считает экономическое и юридическое положение раба: постепенное ухудшение положения раба характеризует ту или иную ступень развития рабовладельческой формации. На первой ступени, как замечает Лурье, нет даже резкой грани между рабом и хозяином, на втором этапе — раб еще не является вещью, вещь он становится лишь на третьем этапе — в Греции, однако и здесь положение раба оказывается еще сравнительно благоприятным, и только в Риме рабство достигает наивысшего развития, и раб превращается в *instrumentum vocale*.

Но с выбором критерия для определения этапов развития рабовладения, сделанным С. Я. Лурье, согласиться нельзя. Поскольку для марксистско-ленинской исторической науки определяющим фактором в развитии общества является не надстройка, а базис, то, следовательно, и критерием для определения этапов развития рабства следует считать не различия в юридическом положении рабов, а роль рабов в хозяйственной жизни общества и степень распространения рабства. Это не значит, что на характер рабовладения, на форму эксплуатации рабов не оказывали влияние различные виды надстройки. Политический строй общества, несомненно, влиял на общий характер рабовладения в том или ином государстве. Так, например, военный характер государства древней Ассирии в сочетании со сравнительно примитивным социально-экономическим строем обусловил особенно жестокий характер ассирийского рабства. Однако решающим критерием для определения этапов в развитии рабовладения является все же роль рабов в производстве.

Другим существенным недостатком построения, предложенного С. Я. Лурье, является его схематизм, оторванность от конкретной истории, хозяйственного и общественного развития каждого из государств древнего мира. Например, в понятии «древневосточное рабство» объединяются различные по своему характеру и уровню развития рабовладельческие государства древнего Востока. Этот недостаток чувствует и автор, поэтому он выделяет особо вавилонское общество времени Хаммураби.

Ничего в сущности не определяет и такая формулировка, как «римское рабовладение». Римское общество в целом и римское рабовладение в частности прошли длительный путь развития, начиная от примитивного патриархального рабства и кончая развитым рабовладением, которое и имеет в виду С. Я. Лурье, говоря о «римском рабовладении». Такой же отвлеченный, неисторический подход к развитию рабовладения ощущается и в формулировке «рабовладение в древней Греции».

Более частных вопросов истории развития рабовладения касаются А. В. Мишулин, акад. В. В. Струве, Р. В. Шмидт, С. И. Ковалев, А. К. Бергер, А. Б. Ранович.

А. В. Мишулин останавливается подробно на вопросе об особых формах рабства, встречающихся в некоторых государствах древнего Востока и имеющих сходство с илотией в Греции. Основываясь на мысли В. И. Ленина о «первобытных» формах рабства, А. В. Мишулин приходит к выводу, что «первобытные формы рабства» являются типичными именно для стран древнего Востока и представляют «...собой ту самую „вариацию“ рабства, которая стала складываться еще при свежести общинной собственности, которые как раз в странах Востока, оказавшись наиболее живучими, тормозили развитие этой вариации рабства в более высокие формы античного рабства»¹. Давая характеристику этой формы рабства, А. В. Мишулин выделяет следующие моменты: раб может быть посажен на землю, снабжен инвентарем, должен обрабатывать землю, неся рабский оброк (стр. 9). Автор справедливо подчеркивает, что в данном случае характерно было не самое прикрепление раба к земле, а возможность отчуждения его от участка, т. е. лишение раба права распоряжаться своей личностью.

Правильно указывая на то, что сохранению таких форм рабства в странах древнего Востока способствовала прочность общинных отношений в этих государствах, А. В. Мишулин не оставляет, однако, эту форму рабовладения на Востоке с илотией в древней Греции, в образовании которой большую роль играло завоевание.

С. И. Ковалев, наоборот, сравнивает «илотию» с близкими ей по своему характеру восточными формами рабства: «Так называемое крепостничество на Востоке было не чем иным как особой формой рабства, которую можно сблизить со спартанской илотией, фессалийской пенестией и другими аналогичными формами зависимости в отдельных районах классической Греции»².

На зависимость форм эксплуатации, подобных илотии, от общего характера социально-экономического строя совершенно правильно указывал А. Б. Ранович. «Илоты в Спарте, — писал он, — пенесты в Фессалии характеризуют неразвитые типы рабовладельческого общества в соответствии с общей отсталостью экономики и общественного строя в этих областях»³.

К сожалению, авторы всех рассмотренных работ лишь бегло касаются вопроса об особой форме зависимости, существовавшей в Спарте, Фессалии, на Крите. Единственная работа, посвященная специально рассмотрению положения критских кларотов-войкеев, — это работа Р. В. Шмидт⁴. Однако эта работа страдает социологизмом. Существенным недостатком статьи Р. В. Шмидт так же, как и работы того же автора, посвященной

¹ Предисловие к книге В. В. Струве, История древнего Востока, М., 1934, стр. 9—10.

² Предисловие к переводу книги В. Тарн, Эллинистическая цивилизация, М., 1949., стр. 12.

³ А. Б. Ранович, Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950, стр. 17.

⁴ Р. В. Шмидт, О непосредственных производителях на Крите, ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 42—57.

Фессалии¹, является то, что в них не дается четкой характеристики положения кларотов и пенестов, не дается определения этой формы зависимости. Пенестов Р. В. Шмидт называет общим, ничего не говорящим в отношении специфики этой формы зависимости, термином «непосредственные производители»: «...пенестов следует рассматривать не только как племя, но и как известную группу населения, занятую определенным трудовым процессом, а именно земледелием, и оказавшуюся в дальнейшем в подчиненном положении, в состоянии эксплуатируемых» (ук. соч., стр. 79). В работе Р. В. Шмидт «О непосредственных производителях на Крите» клароты также не называются ни крепостными, ни рабами, хотя подчеркивается, что их положение «несколько сближается с положением крепостного» (ук. соч., стр. 50—51). К компромиссному, неопределенному выводу приходит Р. В. Шмидт и в статье о дорийском переселении² по вопросу о роли завоевания в образовании илотии. С одной стороны, автор указывает на роль завоевания в образовании социально-политического строя Спарты, а с другой, — подчеркивает невозможность установить непосредственную связь между дорийским походом и зависимым положением илотов. В более ранней работе Р. В. Шмидт правильно указывала на влияние завоевания на форму зависимости, подобную илотии, существовавшую в Фессалии³.

Так же неопределенно о спартанских илотах пишет в своей работе и А. К. Бергер: «...остальная масса, называвшаяся гелотами, или илотами, подвергалась личному порабощению или закреплению»⁴. Однако А. К. Бергер совершенно правильно подчеркивает общинный характер собственности на илотов: «...гелоты были, таким образом, в порабощении и эксплуатации всего коллектива завоевателей, что вполне соответствует общим социально-экономическим условиям древнейшей Спарты» (ук. соч., стр. 15).

Выше указывалось, что С. Я. Лурье, не сопоставляет образование илотии в Спарте с завоеванием. Отрицать роль завоевания и выводить образование илотов из экономического развития общества значит присоединяться к циклической концепции Эдуарда Мейера, подхваченной современными реакционными учеными. На это указывает в своей статье «Плебей и илоты» акад. В. В. Струве⁵. Цель этой статьи — опровергнуть лженаучную теорию Эдуарда Мейера, отождествлявшего илотов с крепостными эпохи феодализма и ради этого отрицавшего роль завоевания в образовании этой формы зависимости. Однако при объяснении происхождения илотии следует учитывать конкретно-исторические условия, в которых при завоевании может возникнуть подобная форма рабской зависимости.

Вопросам греческой терминологии рабства посвящена специальная статья Я. А. Ленцмана, в которой автор, ставя перед собой задачу выяснить «специфическое значение важнейших из интересующих нас греческих терминов»⁶, делает это на основе большого исторического материала,

¹ Р. В. Ш м и д т, Из истории Фессалии, сб. «Из истории античного общества», М.—Л., 1934, стр. 75—115.

² Р. В. Ш м и д т, Античное предание о дорийском переселении, ВДИ, 1938, №2, стр. 50—65.

³ Р. В. Ш м и д т, Из истории Фессалии, стр. 79 сл.

⁴ А. К. Б е р г е р, Социальные движения в древней Спарте, М., 1936, стр. 13.

⁵ Сб. «Из истории докапиталистических формаций», М.—Л., 1933, стр. 363—373.

⁶ Я. А. Л е н ц м а н, Термины, обозначающие рабов в древнегреческом языке, ВДИ, 1951, № 2, стр. 50. Необходимо отметить, что в этой работе из полного обзора буржуазной литературы по вопросу о терминологии, употреблявшейся для обозначения рабов в Греции, к сожалению, выпал капитальный труд М. С. Куторги,

что позволяет ему придти к ряду важных исторических выводов. Размеры работы не позволили, однако, автору этой статьи коснуться критской терминологии.

Буржуазные ученые не в состоянии правильно понять сущность и значение рабства в древности. Основные пороки антинаучной концепции циклизма, имеющей многочисленных представителей в современной буржуазной литературе¹, сказались и на подходе к проблемам рабства. Устанавливая два этапа в развитии античного общества, последователи циклизма на первом этапе признают существование феодальных отношений, а на втором — капиталистических. Критский социально-экономический строй VI—IV вв. они рассматривают как феодальный и поэтому в критских кларотах, так же как и в фессалийских пенестах, спартацких илотах и пр., без достаточной аргументации признают крепостных. Такой же точно точки зрения на критских кларотов как на средневековых крепостных придерживаются авторы специальных работ, посвященных Гортинским законам (сюда относятся работы историков права Бюхелера, Колера, Дареста, Свободы и др.). Критских кларотов Колер, например, называет «die Hörigen» и не видит никакой разницы между ними и немецкими средневековыми крепостными². Некоторые авторы комментариев к Гортинским законам смешивают два различных явления истории — илотию и колонат, объединяя оба эти явления понятиями феодализма и крепостничества³.

Решение более частных вопросов, например, вопроса о причинах образования илотию, вызывает в буржуазной науке большие споры. Впервые А. Валлон⁴, а затем и другие ученые⁵ пытались объяснить происхождение этой своеобразной формы зависимости завоеванием. Но сильно преувеличивая роль последнего, они все особенности социально-экономического строя критских полисов старались вывести из факта завоевания, упуская из виду другие условия, игравшие немаловажную роль в формировании илотию. На иных позициях стоят сторонники теории циклизма, которые стремятся доказать «экономическое» происхождение илотов, кларотов, пенестов. Например, Ульрих Карштедт (ук. соч., стр. 57) вслед за Эдуардом Мейером утверждает, что илоты — это порабощенные в результате задолженности свободные крестьяне. Это утверждение противоречит источникам, указывающим на завоевание, как на один из важнейших моментов в образовании илотию, возникшей, кстати сказать, значительно раньше, чем появилось долговое рабство в Спарте и на Крите. Новейшие исследователи, занимающиеся Критом, совершенно обходят вопрос о рабовладении⁶.

Сравнительно богатый материал по социально-экономической истории, который дают критские источники, предоставляет возможность подробно обрисовать положение отдельных категорий зависимого населения на Крите и проливает свет на вопрос о ранних формах рабства.

впервые подробно разобравшего термины δοῦλος, οἰκέτης, χωρὶς οἰκοῦντες и другие (см. М. С. Куртуа, Афинская гражданская община, Соч., I, 1894, стр. 461 сл.).

¹ См. W. Westermann, Sklaverei, RE, доп. т. VI, 1935, стб. 894 — 1067; U. Kahrsstedt, Griechisches Staatsrecht, I, Göttingen, 1922.

² J. Kohler, E. Ziebart, Das Stadtrecht von Gortyn, Göttingen, 1912, стр. 57 сл.

³ H. Swoboda, Über die altgr. Schuldknechtschaft, Weimar, 1905.

⁴ А. Валлон, История рабства в античном мире, русск. перев., М., 1941.

⁵ G. Busolt, H. Swoboda, Griechische Staatskunde, II, München, 1926.

⁶ См. Д. Пендлбери, Археология Крита, М., 1950; P. Demargne, La Crète dédalique, P., 1947; H. van Effenterre, La Crète et le monde grec de Platon à Polybe, P., 1948.

Социальный и экономический строй критских полисов VI—IV вв. до н. э. нашел отражение в знаменитой Гортинской надписи. Данные этой надписи дополняются рядом литературных свидетельств. Сведения античных писателей, разнообразные по своему характеру, часто несогласованы и противоречивы. Используя эти материалы, следует учитывать, что они в большинстве случаев принадлежат более позднему времени, чем сборник Гортинских законов. Особенно ценный материал представляют сообщения Страбона, использовавшего данные Эфора. Большое внимание уделяет Криту и Аристотель во второй книге «Политики». Ценные факты сообщают поздние авторы, отрывки из которых собраны Афинеем. Интерес античных писателей к илотии, пенестии, критским кларотам и др. объясняется своеобразием этой формы зависимости, казавшейся удивительной и непонятной афинскому ученому IV в. до н. э. или авторам более позднего времени. В эпиграфических документах и у античных писателей имеются сведения о различных категориях критского несвободного населения, каждая из которых обозначается особым термином.

Установление более или менее точного значения каждого термина, употребляемого древними авторами и в Гортинском законодательстве, поможет выяснению сущности этих категорий.

В Гортинских законах имеются следующие обозначения непосредственных производителей: *δοῦλος*, *φοιχέως*, *κλάρος* и выражение *ἑυδοθιδία δόλα*. Для обозначения должников, которые в надписях никогда не называются рабами, служит специальный термин *καταχέμενοι* «заложники».

У авторов мы встречаемся со значительно большим разнообразием названий отдельных категорий непосредственных производителей на Крите. Античные писатели по отношению к критскому подчиненному населению употребляют общераспространенные термины *δοῦλος*, *οἰκέτης*, но чаще они используют особые термины, имевшие хождение лишь в критских городах: *κларόται*, *ἀφαιμόται*, *μνοῖται* (*μνοῖται*) или *μνοῖα* (*μνοῖα*). У Аристотеля все категории несвободного населения Крита обозначаются одним общим термином *περίοικοι* (Pol., II, 6, 2; 7, 3; 8).

Чтобы разобраться в значении всех терминов, которыми обозначаются в источниках различные категории эксплуатируемого населения Крита, необходимо прежде всего остановиться на вопросе о формах земельной собственности, существовавшей в критских полисах в VI—IV вв. до н. э. До V в. до н. э. земля на Крите была государственной собственностью, переданной в распоряжение общины, члены которой, как и спартанцы, являлись лишь владельцами своих участков. Наделы были закреплены за отдельными семьями и передавались по наследству согласно строго регулирующему законодательством порядку, в чем можно убедиться при рассмотрении статей Гортинских законов, касающихся положения дочерей-наследниц (ГЗ, VII, 15; IX, 24, др.). Клеры были неотчуждаемы и неделимы, — разделу при наследовании подлежало одно движимое имущество¹. «Там, где собственность существует только как общинная собственность, — говорит Маркс, и эти слова можно отнести и к Криту, — отдельный член как таковой бывает только *владельцем*, наследственным или не наследственным, особого участка, так как каждая частица собственности принадлежит не кому-либо из членов в отдельности, а индивиду как непосредственному члену общины, т. е. как лицу, живущему в единстве с общиной, а не в отличие от нее. Стало быть, это отдельное лицо является только владельцем. Существует только *коллективная* собствен-

¹ ГЗ, IV, 33—44 (Гортинские законы цитируются по «Inscriptiones graecae ad solvendas dialectos selectae», изд. F. Solmsen, Lipsiae, 1910).

ность и только *частное владение*»¹. Но на клеры была поделена только часть земли, другая же часть принадлежала государству в целом. Эти земли могли сдаваться в аренду, но закон охранял права государства на них. Одна надпись гласит: «Садовая земля в Кескоре и Палах отдана городом для возделывания. Если кто-либо ее продаст или заложит, то пусть она не принадлежит ни купившему, ни взявшему в залог»². Лишь в V в. до н. э., в связи с быстрым ростом торговых связей критских городов, начинается процесс образования частной собственности на землю. Этот процесс сопровождается ростом долгового рабства и земельной задолженности³.

О том, что земля, поделенная на клеры, обрабатывалась именно кларотами, свидетельствует как самый термин, происходящий от *κλῆρος*, так и данные античных авторов, указывающих на связь кларотов, пенестов и илотов с обработкой земельных паделов граждан. Так, Эфор, по сообщению Афиней, говорит, что «критяне кларотами называют рабов (*δοῦλοι*) из-за их принадлежности к клеру»⁴. Относительно происхождения кларотов ценные данные собраны у Афиней. Так, он сообщает, что Эфор «в третьей книге „Истории“ говорит: критяне называют рабов (*δοῦλοι*) кларотами от бывшего по поводу их жребия» (*Athen.*, VI, 264). В другом месте Афиней (VI, 84) приводит сообщение неизвестного автора о том, что афамиоты представляют собой остатки порабощенного населения, работают на полях, чем и объясняется название «клароты». Из этого отрывка видно, кроме того, что термины кларот и афамиот употреблялись античными авторами как синонимы. Равнозначность этих терминов подтверждается и другими местами сборника Афиней (VI, 263, 264, 268, 284). Например, Афиней сообщает, что «афамиотами (называют) живущих на полях» (VI, 263 f). Существование двух равнозначных терминов — «афамиот» и «кларот» — объясняется, повидимому, тем, что в различных полисах Крита существовала своя местная терминология⁵. Подробнее о положении и происхождении кларотов будет сказано ниже, здесь же важно только подчеркнуть, что античные авторы определенно связывают их с обработкой земли, поделенной на клеры.

Термины «кларот» и «афамиот» в Гортинском законодательстве не встречаются. Один только раз упоминается в Гортинских законах более общий термин *κλῆρος*, толкование которого, однако, вызывает большие трудности: *Αἱ δὲ μὲ εἶεν ἐπιβαλλόντες τῆς Φοικίας, οἵτινες κτῶντι ὁ κλῆρος, τοῦτους ἔχειν τὰ κρέματα* (ГЗ, V, 25), т. е. в случае отсутствия законных наследников имущество переходит к тем, «кто составляет клер». Возможно, что здесь идет речь о кларотах, но у авторов термин *κλῆρος* употребляется в ином смысле, как определение земельного надела. Во всяком случае следует считать это место темным. Категория зависимого населения, связанная с обработкой сельских наделов рабовладельцев, в Гортинских законах обозначается термином *Φοικέες*. По данным Гортинского законодательства, войкеи являются самой распространенной формой зависимого населения на Крите в VI—V вв. до н. э. Авторы же указывают на первенствующую роль кла-

¹ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, 1940, стр. 11.

² SGDI, III, 2, 5000.

³ SGDI, III, 2, 4992; 4986; 4999.

⁴ *Athen.*, VI, 84; см. также *Aristot.*, *Pol.*, II, 8, 3, где автор обозначает, как будет показано, кларотов (афамиотов) общим термином *περίοικοι*; *Strabo*, VIII, 5, — о спартанских илотах; *Athen.*, VI, 263.

⁵ Очень важно для доказательства этого предположения, что в архаическом законодательстве, к сожалению, очень плохо сохранившемся, города Элевтерны встречается термин *ἀπαιτία*, очевидно, обозначающий совокупность рабов типа афамиотов, см. *M. Garducci*, *Inscriptiones Creticae*, Roma, 1935, II, 16.

рогов и афамиотов. Это дает возможность полагать, что речь идет об одной и той же форме зависимости. Термин Φοικεύς в Гортинском законодательстве обозначает две категории зависимого населения. Во-первых, этот термин применяется к определенной группе эксплуатируемых «живущих в деревне» ($\text{Φοικεύς ἐνΦοικεῖ ἐπὶ χόραι}$ — ГЗ, IV, 35), т. е. к тем рабам, которые у авторов обозначаются терминами кларот и афамиот. Но наряду с таким узким употреблением этого слова, в Гортинском законодательстве встречается и употребление его в более широком смысле, параллельно с термином δούλος ¹. Повидимому, в более раннее время, до оформления Гортинских законов, термин Φοικεύς употреблялся в широком смысле и соответствовал (как это подтверждает и близость самих терминов) греческому термину οἰκέυς . В «Одиссее» (XVI, 1—4; XVII, 531, 755) термин οἰκέυς , имеющий один корень с термином οἰκέτης , но не равнозначный ему, употребляется для обозначения рабов, входящих в большую патриархальную семью рабовладельца ². Возможно, что и критский термин войкей употреблялся в древнее время в таком же смысле. Однако термин οἰκέτης , который вытесняет и заменяет собой термин οἰκέυς , постепенно приобретает иное значение и распространяется на рабов, работорговцев в доме рабовладельца, домашних слуг. В таком значении, например, употребляется слово «ойкет» при обозначении спартанских илотов (см. ниже). По мере развития рабовладения на Крите также и древний термин Φοικεύς утрачивал связь с примитивным патриархальным рабством и постепенно переносился на другие категории рабов.

К числу рабов античные авторы относят и тех производителей материальных благ на Крите, которых они обозначают термином μνοῖται . Относительно этого термина следует отметить, что в Гортинском законодательстве он не встречается и, повидимому, либо является местным термином одного из полисов Крита, либо отсутствие его в Гортинских законах обусловлено частноправовым характером сборника: термин же этот, как мы увидим, обозначает государственных рабов ³. Древние авторы сближают спартанских илотов, фессалийских пенестов и маряндинов Гераклеи Понтийской либо с критскими мноитами, либо с кларотами (афамиотами) ⁴. Однако в отличие от кларотов и афамиотов, которые называются рабами частных граждан, мноиты называются общественными рабами (δούλοι τοῦ κοινού) и, очевидно, обрабатывают неподеленные между гражданами государственные земли и обслуживают общие нужды критских рабовладельцев (Strabo, VIII, 5, 4). Афиней, например, приводит высказывание Сосикрата относительно критского рабовладения: $\text{τῆν μὲν κοινὴν δουλείαν οἱ Κριῖτες καλοῦσι μνοῖαν}$ «общинное рабовладение критяне называют мноией» (VI, 264).

Аристотель, говоря о зависимом населении Крита, все степени зависимости объединяет одним термином — περίοικοι . Однако термин περίοικοι у Аристотеля всегда упоминается в сопоставлении с фессалийскими пенестами или спартанскими илотами: «обрабатывают землю (спартанцам) плоты, критянам же периэки», «периэки, остаются верными критянам, плоты же часто отпадают (от спартанцев)» (Pol., II, 7, 3; 8;

¹ Это видно из тех мест ГЗ, где речь идет о семье рабов; там употребляются оба термина (δούλος и Φοικεύς); также в законодательстве о беглых рабах, см. ГЗ, VII, 1 сл.; SGDI, III, II, № 4998, IV, 10.

² См. Я. А. Ленцман, укр. соч., стр. 52, где автор сближает понятие οἰκέυς с famulus .

³ К такому же выводу приходит и акад. В. В. Струве, Общественный строй древнего Крита, ВДИ, 1950, № 4, сопоставивший этот термин с именем легендарного критского царя Миноса.

⁴ Strabo, XII, 3, 4—5; VIII, 5; Aristot., Pol., II, 6, 3; Athen., VI, 263, 264, 268, 272, 84.

6, 2). Такое противопоставление этих терминов наводит на мысль о том, что Аристотель под перизками понимал либо мноитов, либо кларотов-афамиотов, но не подчиненное население острова, находившееся в положении, подобном положению спартанских перизков. Поэтому нельзя уподоблять критских перизков перизкам Спарты. Высказывание Сосикрата, приводимое Афинеем, свидетельствует о том, что зависимое население, подобное спартанским перизкам, критяне называли особым термином — οἱ ὑπάρχοντες τῆν μὲν κοινὴν δουλείαν οἱ Κρητὲς καλοῦσι μνοίαν, τῆν δ' ἰδίαν ἀφामीωτας, τοὺς ὑπάρχοντες περιόικους, «критяне называют общинное рабовладение мнойей, частное — афамиотами, а перизками подчиненных» (Athen., VI, 84).

Часто встречающийся в Гортинском законодательстве термин *δουλος* по отношению к критским рабам употребляется прежде всего в обычном для греческих писателей общем, широком смысле слова для определения общего понятия раба в отличие от свободного¹. Несмотря на богатство критской терминологии для обозначения различных категорий зависимости, все термины, с точки зрения античных писателей, выражают одно понятие — раб. Поэтому рабы различных категорий на Крите часто называются этим общим термином — *δουλος*. Таким образом, прежде всего, термин *δουλος*, как у авторов, так и в Гортинском законодательстве употребляется в общем смысле, как противопоставление раба свободному. Но, наряду с этим, встречается и употребление этого термина в более узком смысле. Например, в той части Гортинских законов, где речь идет об уголовных преступлениях (ГЗ, II), слово *δουλος* явно противопоставляется слову *φοιχευς*, а оба эти термина противопостоят термину *ἐλευθερος*: Αἱ κα τὸν ἐλευθερον εἰ τὴν ἐλευθεραν κάρτει οἴπει, ἑκατὸν στατέραν καταστασεῖ· αἱ δὲ κ' ἀπεταίρο, δέκα· αἱ δὲ κ' αὐτοῦ δουλος τὸν ἐλευθερον εἰ τὴν ἐλευθεραν, διπλεῖ καταστασεῖ· αἱ δὲ κ' ἐλευθερος φοιχευ εἰ φοιχευαν, πέντε δαρκινῶν (ГЗ, II, 1—10).

Термин *ἐνοθηδία δόλα*, встречающийся в Гортинских законах, по-видимому, применяется для обозначения (в отличие от ойкетов — домашних рабов, слуг) доморожденных рабов (рабынь) — *οἰκοτριψ* или *οἰκογενής*. Интересно, что *ἐνοθηδία δόλα* ценится по законам несколько дороже, чем рабы других категорий.

Причину возникновения илотии, пенестии и зависимости кларотов на Крите авторы древности видят в завоевании и подчинении местного населения завоевателями. Так, Страбон сообщает, что мноитами на Крите являлось местное древнее население острова, покоренное дорийскими племенами (XII, 3, 4—5). Такого же мнения придерживается и Гермонакт, сообщающий, что мноитами были «местные жители» (*ἐγγεγεῖς*) острова (Athen., VI, 263, сл.). Аристотель, не делая особого различия в положении критского зависимого населения, указывает, что перизками называлось порабощенное население острова (Pol., II, 6, 3). Афинея также сообщает, что «местных сельских жителей, но порабощенных во время войны», на Крите называют афамиотами. Афинея приводит и аналогичное свидетельство Каллисрата (VI, 268 сл.).

Завоевание дорянами местного земледельческого населения Крита, ускорившее процесс разложения первобытно-общинного строя у завоевателей при сохранении общинной собственности на землю, способствовало образованию этой своеобразной формы зависимости. Маркс пишет: «Если вместе с землей завоевывают самого человека как органическую принадлежность земли, то его завоевывают как одно из условий производства, и таким путем возникают рабство и крепостная зависимость, вскоре извращающие и видоизменяющие первоначальные формы всех

¹ См. Я. А. Л е н ц м а н, Термины, обозначающие рабов, ВДИ, 1951, № 2, стр. 57.

коллективов, сами становясь базисом последних»¹. Процесс превращения земли в частную собственность на Крите затянулся вплоть до III в. до н. э., а упоминание авторами эллинистической эпохи о мноитах и кларотах (афамиотах) свидетельствует о длительном сохранении пережитков общинной формы собственности на этот вид зависимого населения, существование которого было тесно связано с обработкой неподеленных государственных земель или наделов свободных граждан.

На основании высказываний античных писателей, которые были рассмотрены выше, а также Гортинских законов, дающих материал о критских войкеях, можно выделить следующие характерные особенности, отличающие эту форму зависимости от обычного рабства: 1) прикрепление кларота-войкея к земельному наделу рабовладельца; 2) государственный характер собственности на кларотов-войкеев и мноитов; 3) несколько более привилегированное положение (имущественное и семейное) войкеев-кларотов; 4) роль завоевания в образовании этой формы эксплуатации. Первые две особенности, как видно из приведенного материала, обусловлены сохранением пережитков общинной формы собственности на землю в критских полисах, — «Граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности»².

Античные авторы постоянно сближают илотию в Спарте, пенестию в Фессалии и ту форму зависимости, в которой находились критские клароты, причем эта своеобразная форма зависимости у древних писателей определяется как рабство в общем смысле τὴ δουλεία³. Конкретный материал, приводимый авторами об илоти и пенестии, позволяет сближать эти формы зависимости с положением кларотов (афамиотов) и несколько пополняет сведения о положении последних. Разумеется, такие аналогии следует делать с максимальной осторожностью, учитывая своеобразие этой формы зависимости в каждом из государств, где она существовала. По сообщению Феопомпа, приводимому Афинеем (VI, 272), илоты — не исконные рабы спартанцев, но некогда ими покоренные; по сообщению Эфора у Страбона (VIII, 5), илоты были побеждены в войне.

Афиней приводит мнение фессалийцев, которые «говорят, что пенесты не рабы по рождению (μη γονεῖ δουλοῦς), но покорены посредством войны» (VI, 264). Спартанские и фессалийские источники говорят о том, что илоты и пенесты были прикреплены даже не к определенному клеру, а к общинной земле в целом и лишь не могли вывозиться за пределы Лаконики и Фессалии. Внутри же государства какой-то передел, возможно, и мог осуществляться, но не отдельными гражданами, а всей общиной. Вот что сообщает Страбон, ссылаясь на Эфора, относительно спартанских илотов: «спартанские рабы были побеждены в войне и объявлены рабами с некоторыми, впрочем, ограничениями, — чтобы господин не мог ни освободить такого раба, ни продать его за пределы (Лаконики)», ὥστε τὸν ἔχοντα μητ' ἐλευθεροῦν ἐξείναι, μητε πωλεῖν ἕξω τῶν ὄρων τοῦτους (VIII, 5, 4). То же самое сообщает Архемах о фессалийских пенестах, которых «...нельзя было ни вывозить из области Арны, ни убивать; обрабатывая для фессалийцев землю, они должны были платить им оброк (τὰς συντάξεις ἀποδωσούσιν...)» — (Athen., VI, 263 сл.). К сожалению, критские источники по этому вопросу менее полны и не позволяют сделать конкретных выводов.

Выяснить более конкретно социальное положение кларотов-войкеев

¹ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, 1940, стр. 24.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, Партиздат, 1935, стр. 12.

³ Strabo, VIII, 5; Athen., VI, 264—265.

можно лишь на основании данных Гортинских законов. В этом отношении ценные сведения дают статьи законодательства, трактующие о семейном положении войкеев. Одна из статей законодательства рассматривает общие вопросы об имуществе войкея и войкеи при расторжении брака (ГЗ, III, 41). Имуществом могли обладать и войкей и войкея, которая в случае развода получала свое имущество обратно. О составе имущества войкеев говорится в другой статье, где регулируются правила раздела имущества после смерти хозяина войкея (ГЗ, IV, 30 сл.). Войкей, живущий в деревне, мог иметь свой дом, некоторое количество крупного и мелкого рогатого скота, что видно из статьи, где речь идет о разделе имущества умершего владельца войкея, причем разделу не подлежит имущество войкея: «Если кто-либо умрет, то (все имущество), которое находится в домах, и дома (городские), в которых не живет войкей, живущий в деревне, и мелкий рогатый скот и крупный рогатый скот, кроме того, который принадлежит войкею, принадлежит сыновьям» (ГЗ, IV, 35). Запрещение раздела скота, принадлежащего войкею, так же как и самого клера, к которому войкей был «прикреплен», объясняется государственным характером собственности на клер, с которым войкей-кларот составляет единое целое.

Относительно выделения войкею в пользование земельного участка из Гортинских законов и других критских надписей ничего не известно. Имущество войкея это, чаще всего, необходимые орудия его производства, жилище, рабочий скот. О характере собственности критских рабов красноречиво свидетельствует Эфор: «Кажется, законодатель основал государственной строй на свободе, как на величайшем благе, — она одна только делает собственностью достойные владельцев потому, что достойные рабов принадлежит владеющим, а не подвластным (τὰ δ' ἐν δουλείᾳ τῶν ἀρχόντων ἀλλ' οὐχὶ τῶν ἀρχομένων εἶναι)» (Strabo, X, 4, 20).

Большой интерес представляет критское семейное законодательство, специально касающееся брака между войкеями, прав разведенной войкеи и положения внебрачных детей войкеев. Гортинское законодательство признает законным брак между войкеями и различает замужнюю и разведенную войкею. По Гортинским законам на Крите законным считался не только брак между войкеями, но допускался брак свободной женщины с рабами (δούλοι), в том числе и с войкеями. Следует учитывать, что законы о браке относятся не только к войкеям, так как наряду с упоминанием войкеев встречается и термин δούλος:...αἱ δὲ κ' ἂ ἐλευθέρᾳ ἐπὶ τὸν δόλον, «... если свободная (выйдет замуж) за раба...» (ГЗ, VII, 4).

Гортинское законодательство различает две формы заключения брака между свободной женщиной и войкеем, причем самая форма заключения брака оказывает существенное влияние на положение детей, рожденных в браке. Во-первых, войкей, «придя к свободной женщине, женится на ней», во-вторых, свободная женщина «приходит» к рабу и вступает с ним в брак. В первом случае дети от такого брака остаются свободными, во втором, — они становятся рабами: ... δὲλ' ἔμεν τὰ τέκνα... (ГЗ, VII, 1—5). Выражение ἐλθὼν ὄπισθεῖς обычно трактуется как проявление инициативы при заключении брака. Однако естественнее предположить, что здесь имеется в виду форма поселения семьи после вступления в брак. В первом случае раб, пришедший в дом свободной женщины и вступивший в брак, остается в ее доме (матрилокальная форма поселения). Такие браки заключались, например, при отсутствии жилища у раба. Во втором случае свободная женщина, вступившая в брак с войкеем, поселялась в его доме (патрилокальное поселение).

При матрилокальной форме поселения семьи дети наследовали свободное состояние матери. Наследование детьми рабского положения отца при патрилокальном поселении семьи было слабой попыткой пре-

пятствовать заключению браков между рабами и свободными женщинами. Однако это правило не всегда соблюдалось и дети от смешанных браков на Крите в V—IV вв. до н. э. часто оставались свободными в обоих случаях, т. е. наследовали состояние матери. В одной из надписей, постановлении жителей Гортины, говорится: «пусть у свободной женщины рождаются свободные дети»¹, нарушивший же это постановление лишался имущества и подвергался проклятию.

На Крите встречались случаи, когда у одной и той же женщины были и свободные дети и дети-рабы: *Αἱ δὲ κ' ἐς τὰς αὐτὰς μάτρως ἐλευθέρῃ καὶ δόλῃ τέκνα γένηται* (ГЗ, VII, 5).

В таких случаях дети-рабы и дети-свободные имели совершенно различные имущественные права. Закон охранял имущественные интересы только свободных детей. Дети-рабы (*δοῦλοι*) после смерти матери (которая в браке сохраняла свои имущественные права) ни в коем случае не наследовали ее имущества. Даже при отсутствии свободных детей имущество матери получали не дети-рабы, а родственники матери (свободные), имеющие право на получение наследства, — *οἱ ἐπιβαλλόντες* (ГЗ, VII, 10).

Положение детей, рожденных в браке, очень отличается от положения внебрачных детей рабов, в частности войкеев. Законодательство строго регулирует положение детей при разводе войкеев, положение детей, рожденных разведенной войкеей и внебрачных детей войкеи. Резко выступает патриархальный характер семьи войкеев и вместе с тем их бесправие в статьях, разбирающих положение внебрачных детей войкеи. Разведенная или незамужняя войкея не имела права поступать со своим ребенком по собственному усмотрению. Родившегося после развода ребенка следовало принести в дом хозяина его отца и только в том случае, если хозяин войкея — отца ребенка — отказывался взять ребенка в свой дом в качестве раба, он мог оставаться в доме хозяина своей матери (ГЗ, IV, 1—3; III, 53). Таким образом, в случае заключения брака между войкеем, принадлежавшим различным рабовладельцам и даже после расторжения брака, ребенок принадлежал хозяйну отца, а не хозяйну матери. Даже если отца не было в живых, ребенок должен был вернуться к хозяевам братьев отца (ГЗ, IV, 24). Интересы рабовладельца охранялись и запрещением выкидывать или подкидывать ребенка без представления его в дом хозяина отца (ГЗ, IV, 10).

Гортинское законодательство не предусматривает и не регулирует отношений между свободным отцом и детьми, рожденными им от сожительства с рабыней, как это имело место, например, в законах Хаммураби (ст. 170, 171, 179). Согласно законам Хаммураби, дети, родившиеся у свободного человека и рабыни, оставались свободными, как и сама рабыня, получавшая свободу после смерти хозяина. В том случае, когда отец официально признавал детей рабыни своими детьми, они даже получали право на наследство. По Гортинским законам такого права детям рабыни и свободного человека, очевидно, не предоставлялось. Надо полагать, что дети, рожденные рабыней от сожительства со свободным мужчиной, на Крите оставались рабами и не имели никаких преимуществ перед другими детьми рабыни.

Наличие семьи у войкеев и рабов (*δοῦλοι*) на Крите и предоставление войкеям права владеть некоторым имуществом, так же как и другие черты, характеризующие положение кларота-войкея, свидетельствуют о том, что мы имеем дело с ранней, примитивной формой рабской зависи-

¹ J. Kohler, Das Stadtrecht von Gortyn, Göttingen, 1912, VII, I сл., стр. 37.

мости. Предоставление права некоторым категориям рабов, в частности войкеям, иметь собственную законную семью не является чем-то исключительным. Это обусловлено большей ценностью раба на ранней стадии развития рабовладения и встречается в ряде государств древнего Востока (Вавилон, Хеттское государство, Ассирия).

Юридическое положение критских кларотов-войкеев почти ничем не отличается от положения обычного раба. Самая личность войкея, правда, расценивается несколько выше. Такое предпочтение войкея простому рабу заметно на примере различной величины штрафов, взыскиваемых со свободного за одни и те же преступления, совершенные им по отношению к войкею и к простому рабу, и объясняется большей хозяйственной ценностью войкея (ГЗ, II). Однако эта разница незначительна. Дети войкеев наследовали рабское положение своих родителей и принадлежали хозяину отца. Хозяин войкея и хозяин раба называется одним и тем же термином, — *παῖτας*, очевидно, степень юридической зависимости дула и войкея от хозяина как в законодательстве, так и в действительности, была одинакова. Как и раб (*δοῦλος*), войкей не был действующим лицом в судебном процессе, он мог быть лишь объектом права. В случае совершения преступления войкеем ответственным лицом был его хозяин. Хозяин же, повидимому, имел право наказывать провинившегося раба по собственному усмотрению. Полное бесправие войкея явствует из фактического запрещения выступать на суде в качестве свидетеля. Рабыня или войкея могла принести свидетельские показания лишь в одном случае, — когда преступление совершено по отношению к ней самой. В таком случае она могла выступить на суде, принеся клятву в подтверждение правдивости своих показаний (ГЗ, II, 15).

В критском рабовладельческом обществе раб (*δοῦλος*) и войкей расцениваются значительно дешевле, чем в ряде государств древнего Востока. На Крите за одно и то же преступление, совершенное свободным человеком по отношению к свободному, брался штраф в 100 статов, по отношению к войкею — в 5 драхм, а по отношению к рабам других категорий, — от двух статов до одного обола (ГЗ, II, 1—40).

Таким образом, войкей расценивается законом в 40 раз дешевле, чем свободный.

На Крите в V—IV вв. до н. э. были весьма распространены побег рабов (в том числе войкеев) как одно из проявлений борьбы рабов со своими хозяевами. Классовая борьба на Крите не приняла таких грандиозных размеров и остроты, как борьба илотов в Спарте, где для этого имелись особенно благоприятные условия, — тесное единство илотов как в территориальном, так и в хозяйственном и племенном отношениях. Существование различных форм рабства, наличие покуных рабов и разнообразие хозяйственного использования критских рабов разрушали такое единство на Крите. Однако даже тенденциозное изображение положения зависимого населения на Крите, даваемое Аристотелем (Pol., II, 6, 3), пытающимся противопоставить спокойствие критских рабов мятежности илотов, свидетельствует о фактах борьбы рабов с рабовладельцами в критских полисах. Наиболее распространенными формами социального протеста на Крите были все же примитивные формы, особенно характерные для ранней стадии развития рабовладельческого общества, — бегство рабов как из города вообще, так и переход от одного рабовладельца к другому. О побегах рабов различных категорий свидетельствуют неоднократные упоминания о беглых рабах и праве убежища в городском храме Гортины. В большинстве случаев законы называют беглеца общим термином *δοῦλος*. Это свидетельствует о том, что законодательство о беглых рабах относится равным образом ко всем категориям критских

рабов. Однако в некоторых надписях специально разбирается положение бежавшего войкея¹.

Строжайшим образом преследуется укрывательство бежавших рабов, поощряются случаи выдачи бежавшего. Согласно Гортинскому законодательству, каждый видевший укрывшегося в храме беглеца должен был о нем донести и показать место, где тот прятался (ГЗ, I, 40 сл.). Гортинские законы о беглых рабах, устанавливая совершенно определенные права рабовладельца и охраняя их, вместе с тем устраняют произвол и самоуправство хозяина бежавшего раба и служителей храма, где укрывался беглец. Так, например, бежавший войкей после истечения годовичного срока после побега должен быть передан (*αὐτὸν ἀποδοῖ*) другому рабовладельцу. Таким образом, право собственности рабовладельца на бежавшего раба, согласно Гортинским законам, ограничивается сроком в один год, в то время как в Аттике и в Риме решение этого вопроса не регулировалось законодательством. Это явление находит свое объяснение в большей степени развития рабовладения в Аттике и Риме.

В IV в. на Крите больших размеров достигает вольноотпущенничество. Право отпуска на свободу распространялось на все категории рабов, в том числе и на войкеев, что свидетельствует о появлении частной собственности на рабов этой категории. Отпускались на волю и государственные рабы — мноиты (SGDI, III, 2, 4982, 5001, 5007).

Вышеприведенный материал относительно критских кларотов-войкеев позволяет, как нам кажется, считать, что форма зависимости, в которой находились клароты-войкей, является одной из ранних, примитивных форм рабской зависимости, происхождение которой обусловлено завоеванием, а некоторые специфические особенности объясняются социально-экономическими причинами, в частности длительным сохранением пережитков общинной собственности на землю. Хотя войкей и могли иметь свою семью, тем не менее законом было установлено, что хозяин войкей мог взять ее себе в наложницы, а за насилие над ней законодательство предусматривает лишь ничтожный штраф, сумма которого почти не превышает штрафа за совершение этого же преступления над рабыней (*δοῦλα*) (ГЗ, II, 75—10). Дети войкеев принадлежали хозяину отца (ГЗ, IV, 1—3; III, 53), а после смерти отца ребенок возвращался к хозяину братьев своего отца (ГЗ, IV, 21). Для положения войкеев чрезвычайно характерны факты их бегства от своих хозяев, причем законодательство не делает никаких различий в положении бежавшего раба (*δοῦλος*) и войкея. Таким образом, ни одна из особенностей зависимости кларотов-войкеев и тем более их совокупность не позволяют нам определить эту форму зависимости как нерабскую.

Необходимо учитывать те исторические условия, при которых рабство принимает форму «илотии». Такими условиями, прежде всего, являются коллективная форма собственности на землю и завоевание. «Илотия» возникает только на определенной стадии развития рабовладельческого общества: при сохранении общинного землевладения или его пережитков, при сильных пережитках первобытно-общинных отношений и при примитивном характере классового рабовладельческого общества. Илотия возникает в том случае, когда вторгнувшееся племя завоевателей захватывает чужую территорию и подчиняет значительную группу местного населения, занимающуюся земледелием. «Народ-завоеватель разделяет землю между завоевавшими и устанавливает таким образом известное распределение и форму земельной собственности, а тем самым определяет производство. Или он обращает побежденных в рабство и делает таким

¹ SGDI, III, 2, 4998, IV, 10.

образом рабский труд основной производства»¹. Аналогичный процесс имел место на Крите².

Можно определенно сказать, что в условиях неразвитой частной собственности на землю в Спарте и на Крите в V в. до н. э. илоты, клароты (войкеи) безусловно не могли являться собственниками. Цитированное высказывание Страбона о характере собственности критских рабов скорее подтверждает, что критские рабы в действительности не обладали средствами производства, а наоборот, имели в виде особых привилегий возможность пользоваться скотом и орудиями своего господина.

Критский кларот (афамигот) или войкей так же, как и участок земли, который он обрабатывал для хозяина, являлся собственностью хозяина, только с той разницей для Крита, что хозяином раба здесь является не отдельный гражданин, а вся критская община в целом. Коллективный характер собственности на критских кларотов отличает их от обычных рабов, классическое определение положения которых дает Аристотель в «Политике»: «ибо и раб является частью имущества» (Pol., I, 8, 1).

При решении вопроса об илотии важно было бы установить дальнейшие пути развития этой формы зависимости. Что происходит с илотами в Спарте, пенестами в Фессалии, кларотами (войкеями) на Крите по мере распространения других форм рабства, по мере развития классического рабовладения? Какие изменения претерпевает илотия по мере развития частной собственности на землю? К сожалению, источники не дают возможности ответить определенно на эти вопросы. Можно только утверждать, что на Крите илотия постепенно утрачивает свое значение как основная наиболее распространенная форма эксплуатации рабов и уступает место другим формам. Вместе с тем илотия утрачивает свои характерные особенности, и, таким образом, стирается грань между ней и другими формами эксплуатации рабов.

Гортинское законодательство рассматривает, как особую категорию, войкеев, живущих в деревне, т. е. работающих на земельных наделах рабовладельцев (ГЗ, IV, 35). Такая формулировка (ГЗ, IV, 35) предусматривает существование войкеев, не живущих в деревне, а работающих, очевидно, в городском доме своего господина. В данном случае рабовладелец получал уже право более свободно распоряжаться войкеями (кларотами), он мог отделить их от земли и использовать по своему усмотрению. С появлением и распространением частной собственности на землю, таким образом, появляется и право частной собственности на рабов, ее обрабатывающих. Неразрывная прежде связь кларота (войкея) с клером теперь исчезает. Таким образом, частное рабовладение на Крите распространяется не только за счет покупки рабов, закабаления должников и захвата военнопленных, но и за счет превращения коллективной формы рабовладения — илотии — в частное рабовладение.

Аналогичные процессы, повидимому, происходили в Спарте и в Фессалии. Интересно отметить, что в IV в. до н. э. спартанских илотов и фессалийских пенестов античные авторы очень часто называют ойкетами,

¹ К. Маркс, К критике политической экономии, М., 1951, стр. 208.

² Как показал А. В. Мишулин, илотия, возможно, существовала и в некоторых общинах Испании, например, в Ласкутанской общине, попавшей в зависимое положение от завоевавшей ее Гасты. Покоренные жители Ласкутаны, получившие свободу согласно декрету наместника дальней Испании Эмилиа Павла, называемые в надписи *segvi*, находятся в положении, близком к илотам: они, лишившись своей земли и свободы, попали в рабскую зависимость по отношению к завоевателям и вынуждены были обрабатывать их земли. См. А. В. Мишулин, Предисловие к учебнику В. В. Струве, История древнего Востока, 1934, стр. 1 сл.; о н же, К интерпретации надписи Эмилиа Павла, ИАН. ОИФ, 1946, III, № 4.

термином, употреблявшимся для обозначения рабов, работающих в доме рабовладельца¹.

Меняется не только термин, обозначающий илотов и пенестов, но и самый способ их применения в хозяйственной жизни. Рабы типа илотов используются в это время не только при обработке клеров. Ксенофонт в «Греческой истории» (VI, 1, 11) свидетельствует о том, что пенесты служат во флоте. Недвусмысленное высказывание об использовании пенестов и илотов в качестве домашних слуг имеется в сообщениях Афиня (VI, 104). С таким же явлением мы встречаемся на Крите, где в позднейшее время термин ойкет распространяется и на государственных рабов — мноитов (Athen., VI, 267).

Таким образом, развитие рабовладельческих отношений на Крите идет как по линии разложения старой формы рабской зависимости, илоти, так и по линии распространения новых форм рабства.

Покупка рабов и покупные рабы (*χρυσωυτοι* — Athen., VI, 84) — очень распространенное явление в критских городах IV в. до н. э. Хрисонеты являются частной собственностью рабовладельца. Гортинское право большое внимание уделяет охране собственности вообще и права частной собственности на рабов, в частности. Таковы законы о беглых рабах, таковы права хозяина по отношению к рабыням, живущим в его доме, и права рабовладельца на детей войкеев. О значительном распространении на Крите, начиная с IV в. до н. э., частного рабовладения свидетельствуют частые факты заключения различных сделок, касающихся рабов, купли-продажи, закладывания, распространение судебных тяжб относительно той или иной категории рабов. Все эти явления значуют собой новый этап в развитии критского рабовладения, они обусловлены ростом товарно-денежного хозяйства.

Примитивная форма рабовладения, илотия, существующая при сохранении пережитков общинной формы собственности на землю, постепенно уступает место иным формам эксплуатации рабов.

Одной из форм рабства, свойственных ранней ступени развития рабовладельческой формации, наряду с патриархальным рабством и илотией, было долговое рабство. Появление долгового рабства вызвано процессом разложения первобытно-общинного строя, в недрах которого появляются первые формы рабовладения. Разложение общинного строя, связанное с ростом производительности труда, развитие частновладельческих отношений и усиление имущественной дифференциации, концентрация земли, рост торговли и ростовщичества приводят к тому, что разорившиеся свободные граждане превращаются в неоплатных должников, имущество их переходит к кредиторам, а сами они в конце концов попадают в рабскую зависимость от последних. Рабство-должничество особенно было распространено в государствах древнего Востока, но через него прошли также и греческие рабовладельческие полисы и Рим. Однако с развитием рабовладельческих отношений долговое рабство постепенно ограничивается, а затем и вовсе отменяется. Даже в сравнительно отсталом патриархально-рабовладельческом израильско-иудейском обществе срок закабаления свободного ограничивается шестью годами. В Афинах же долговое рабство было, как известно, отменено законодательством Солона². Отмена должничества была очень важным моментом в истории развития рабовладения.

¹ Anonymi Oeconomica, X, 1; Athen., VI, 85. Об этом же свидетельствует Филон-Крат; во II книге «Истории Фессалии» он говорит: «пенестов называют фессалойкетами» (Athen., VI, 85); ср. также Xen., Hell., III, 1, 27; Polyb., IV, 81, 7; V, 29, 9.

² О должничестве в Афинах см. Plut., Sol., 13; Arist., Athen. Pol., 2—3.

«Вместо того чтобы по-старому жестоким образом эксплуатировать собственных сограждан, стали теперь эксплуатировать преимущественно рабов и покупателей не-афинян», — пишет Энгельс¹. Отмена долгового рабства, так же как и его ограничения, были результатом ожесточенной классовой борьбы, что можно наблюдать на примере деятельности Солона. Долговое рабство на Крите в V—IV вв. до н. э. отличается от восточного долгового рабства еще большей примитивностью и не знает никаких ограничений. В этом отношении рабство на Крите напоминает лишь ассирийское долговое рабство, известное по сборнику ассирийских законов.

Кабальное рабство не было первой формой рабской зависимости, оно развилось в рамках первобытно-общинного строя при существовании рабства военнопленных. Для этого периода развития общества характерно «...рабство, сперва одних только военнопленных, но уже открывающее возможность порабощения собственных соплеменников и даже сородичей»².

Долговое рабство может иметь две формы. В государствах древнего Востока распространено было долговое рабство в форме закабаления дочери или сына должника³, что было обусловлено существованием патриархальной семьи с правом отца на всех членов семьи. «Продажа детей отцом — таков был первый плод отцовского права и моногамии!»⁴. На ранней стадии развития общества эта форма долгового рабства тесно связана с патриархальным рабством. Положение таких рабов (чаще рабынь) на Востоке приближается к положению рабов при патриархальном рабстве. По библейским законам, например, дочь должника, отданная им за долги в дом кредитора, должна была стать его наложницей или наложницей его сына, в противном случае она возвращалась в дом своего отца (Исход, XXI, 7 сл.).

В Гортинском законодательстве эта форма закабаления свободного не встречается, что объясняется как более высоким развитием рабовладения на Крите, так и особенностями критской патриархальной семьи. Законы ничего не говорят о продаже отцом своих детей в долговое рабство. Зато широкое распространение принимает вторая форма долгового рабства, при которой должник обязан был отрабатывать свой долг только личным трудом. Согласно Гортинскому праву, ни отец не отвечает за долги сына, ни сын не расплачивается за долги своего отца.

Долговое рабство на Крите в V—IV вв. до н. э., как видно из Гортинских законов и других эпиграфических источников, было очень распространено. Были случаи противозаконного захвата рабов и незаконного превращения свободных в рабство — борьбе с этими случаями посвящается целый ряд статей Гортинского законодательства (ГЗ, I). В качестве ограничения фактов противозаконных захватов должников и превращения их в рабов или под видом должничества — закабаления свободного человека, законом вводится ряд условий, которые сопутствовали процессу порабощения должника. Прежде всего, запрещается уводить свободного или раба помимо суда. Только судебный процесс должен показать, кому принадлежит раб и имеет ли право захвативший свободного человека обратиться в рабство (ГЗ, I, 1—15). Таким образом, ограничиваются про-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 120.

² Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 110.

³ То же самое и в древней Аттике, до Солона; ср. «Законы Хаммураби», 113—119; «Ассирийские законы», § 40, 26—33, 49, 32—40. Мы пользовались переводами законов Хаммураби и ассирийских законов на французский язык: P. Gruvelhier, Commentaire du Code d'Hamourabi, P., 1938; P. Gruvelhier, Recueil des lois assyriennes, P., 1926—27.

⁴ Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 114.

извол и злоупотребления кредиторов. Если подвергался сомнению вопрос о происхождении человека, о котором ведется судебное разбирательство, то закон стоял на стороне тех свидетелей, которые высказываются за его свободное происхождение (ГЗ, I, 1, 5). Проигравший процесс должен был в течение пяти дней отпустить захваченного им свободного, а незаконным образом захваченного раба передать в руки его прежнему хозяину (ГЗ, I, 30). Эти статьи, таким образом, направлены против злоупотреблений кредиторов по отношению к своим должникам или другим свободным гражданам, находящимся в экономической зависимости. Существование этих ограничений в Гортинских законах свидетельствует о том, что в действительности противозаконное порабощение свободных должников не было в Гортине редким исключением.

Раб-должник на Крите не называется термином *δοῦλος*. В Гортинских законах он носит особое название — *κατακείμενος* «заложник». Один раз упоминается термин *νευκαίμενος*, т. е. проигравший судебный процесс (вернее, человек, дело которого проиграно); положение его было одинаковым с положением раба-должника. Очевидно, здесь речь идет о должнике, который был обращен в рабство в результате постановления суда. Как в отношении первого, так и в отношении второго закон представлял кредитору право безнаказанно «уводить» (*ἀγεῖν*), т. е. право распоряжаться его личностью (ГЗ, II, 1).

Гортинские законы запрещают выкуп раба-должника раньше уплаты им всей суммы долга, раба-должника может освободить только сам кредитор, «взятый в залог» (ГЗ, X, 25). Критский раб-должник освобождается лишь в одном случае, — в случае выплаты им всей суммы долга кредитору; никаких намеков на ограничение срока долгового рабства, как в ряде древневосточных государств, на Крите не существует. Критский должник, попавший в долговую кабалу, оказывался в положении настоящего раба, причем возможность вновь получить свободу не была для него реальностью.

Одна статья Гортинского законодательства дает нам представление о положении человека, находящегося в рабстве за границей¹. Идет ли здесь речь о пленном критянине, захваченном во время войны между критскими городами и превращенном в раба, или о должнике, попавшем в кабалу за долги, сказать трудно. Однако и в том и в другом случае положение такого раба является очень тяжелым, а выкуп его соотечественником не освобождает его от рабской зависимости. Не случайно закон различает две возможности выкупа такого раба, — по его просьбе или без его просьбы, т. е. против его воли (ГЗ, VI, 45 сл.). Очевидно, были случаи, когда раб предпочитал оставаться на чужбине, так как, будучи выкупленным своим соотечественником, он попадал к нему в долговую кабалу. Военнопленный, который был выкуплен из рабства и возвращен на родину, был обязан выплатить сумму денег, затраченную на его выкуп, а сумма эта, устанавливаемая произвольно, по договоренности, могла быть очень велика (ГЗ, там же). Таким образом, выкупленный военнопленный становился должником и попадал в рабство к выкупившему его соотечественнику. Еще хуже было положение раба-должника, попавшего в рабство за границу; он выплачивал в этом случае и сумму долга и сумму выкупа. Если выкуп производился, то выкупленный должен был находиться во власти выкупившего его до тех пор, пока не выплачивал всей суммы долга (ГЗ, VI, 50).

¹ Эту статью ГЗ интересно сравнить с аналогичными статьями законов Хаммураби (§ 34).

Если возникал спор относительно суммы долга или в случае насильственного выкупа должника, дело могло быть передано в суд. Таким образом, критские законы о выкупе должников или военноопленных из рабства весьма суровы. В юридическом отношении раб-должник приравнивался к обычному рабу. Должник не может начать судебного процесса до тех пор, пока не выплатит целиком своего долга (SGDI, III, 2, 4998, VI, 15). Законом охраняется личность раба-должника от оскорбления лишь в том случае, когда взявший его в рабство согласен начинать судебный процесс против оскорбителя. Имущественные права раба-должника в отличие, например, от законов Хаммураби (§§ 113, 116, 48, 96, 66 и др.) также не охраняются. О том, что кредитор мог свободно распоряжаться имуществом должника, свидетельствует факт захвата рабов должника кредитором в счет погашения долга, а также отдача в залог рабов, принадлежавших должнику¹.

На Крите широкое распространение получила своеобразная форма зависимости, близкая по своему характеру к долговому рабству, в которую попадал свободный в результате так называемого усыновления. Гортинские законы регулируют отношения между усыновившим и усыновленным и указывают на разницу в положении усыновленного, когда усыновление производилось при наличии собственных детей у усыновившего, и в том случае, когда таковых не имелось. В случае усыновления чужого ребенка (тем более взрослого) при наличии собственных законных детей мужского пола у усыновляющего исключалась возможность усыновления из соображений наследственного права или религиозных представлений. Хозяйственная заинтересованность в лишнем человеке в доме, в лишних рабочих руках заставляет брать в дом такого «усыновленного».

Гортинское законодательство предоставляет широкий простор для усыновления, объявляя: «усыновлению быть откуда кто захочет» (ГЗ, X, 35). Усыновлять имеет право всякий свободный гражданин, кроме женщины и несовершеннолетнего. Очевидно, были случаи усыновления не только детей, но и взрослых. В одной статье Гортинского законодательства, например, говорится: «если усыновленный умрет, не оставив законных детей, то его имущество пусть переходит к родственникам усыновившего» (ГЗ, XI, 5).

По Гортинскому законодательству усыновивший никаких обязательств по отношению к усыновленному не имеет. В любое время он может отказаться от усыновленного, — для этого только следует объявить о своем намерении на площади перед собравшимся народом и заплатить в судилище 10 статов, которые, быть может, давались отвергаемому как вознаграждение (ГЗ, XI, 10).

Усыновленный при наличии собственных наследников у усыновившего находится в совершенно иных условиях, чем усыновленный при отсутствии у усыновляющего законных детей мужского пола. Такой усыновленный фактически лишается всяких прав на имущество приемного отца: «если у усыновившего имеются собственные дети, то усыновленный пусть по отношению к мужскому потомству наследует то, что женское потомство получает от братьев» (ГЗ, X, 50).

Очевидно, в рабство попадали подкинутые или просто выброшенные дети. Гортинское законодательство легализирует подкидывание детей. Подкидывать ребенка имеет право в Гортине разведенная свободная женщина и разведенная рабыня (войкея или дула) (ГЗ, III, 45 сл.). Свободная женщина должна была принести ребенка к своему бывшему мужу,

¹ J. K o h l e r.... Das Stadtrecht von Gortyn, Göttingen, 1912, стр. 34, надпись № 3.

а в случае его отказа от ребенка она получала право воспитывать его самостоятельно или подбросить (ГЗ, III, 50).

Законом запрещалось только самовольное подбрасывание ребенка матерью, без предъявления его отцу и получения его отказа от ребенка (ГЗ, IV, 12).

Социальная дифференциация критского общества приводит к широкому распространению долгового рабства, несколько отличающегося по форме от древневосточного должничества, где оно сохраняет связь с патриархальным рабством. Однако суровость законов относительно должников на Крите сближает критское долговое рабство с должничеством в наиболее примитивных государствах древнего Востока.

Своеобразие критского рабовладения заключается именно в длительном сосуществовании илотии и других примитивных форм рабства, например, долгового рабства, с более развитыми его формами. Особенно интересно одновременное существование илотии, свидетельствующей о сохранности общинных отношений, и долгового рабства, знаменующего начало распада общины. Этот факт подтверждает мысль о том, что илотия в V—IV вв. на Крите была исчезающей, разлагающейся формой рабства.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СЮБИНЫ